

Извлеченіе изъ отчета

инородческаго миссіонера священника Аркадія Га- ряева за 1911 годъ.

3-го числа марта, въ сопровожденіи договореннаго мною для поѣздки проводника и помощника по объясненію съ инородцами на ихъ діалектѣ, которымъ я еще не особенно увѣренно владѣю, — обывателя Якова Первушина, я выѣхалъ на лошади до первой юрты, гдѣ и имѣлъ намѣреніе нанять оленей для дальнѣйшаго пути.

При очень трудной для лошади оленьей дорогѣ до юрты вогула Василия Ѳедор. Бахтіярова пришлось едѣлать около 90 верстѣ. Къ ночи 4 марта доѣхалъ я до этой юрты, откуда лошадь ушла обратно, а я уже выѣхалъ на оленяхъ дальше лишь къ вечеру 6 марта, т. к. пришлось мнѣ и проводнику ожидать здѣсь возвращенія хозяина юрты съ охоты. Двѣ ночи и день, проведенныя мною въ этой юртѣ, были не изъ особенно пріятныхъ, т. к. хозяйка дома больна не особенно чистой болѣзнію, но все же, сколько могъ, до прихода и съ приходомъ изъ лѣсу хозяина я постарался использовать время на бесѣды съ семейными его и самимъ имъ: о вѣрѣ въ истиннаго Бога, о св. иконахъ и побочномъ еще у вогуль богѣ Шайтанѣ, по поводу высказаннаго мнѣ хозяиномъ — его воззрѣнія объ аналогичномъ значеніи молитвы передъ Св. Иконами и Шайтаномъ (кукла, сшитая изъ тряпья и наряженная въ цвѣтныя лоскутья), т. к. у ихъ отцовъ не было иконъ и они молились Богу и Св. Николаю, вѣрая на эти примитивныя изображенія. Не знаю, упадутъ

ли слова мои на хорошую почву, но я сдѣлалъ все возможное и зависящее отъ меня, чтобы расшатать въ умахъ ихъ это ложное религіозное положеніе инородцевъ.

Зная слабость хозяина и его матери къ вину до того, что они совершенно на время, послѣ усиленнаго пьянства, дѣлаются безумными, по ихъ выраженію „дурятъ“, говорилъ много я съ ними о вредѣ пьянства вообще для всѣхъ, и для нихъ въ частности, такъ какъ для нихъ вино смерть, съ чѣмъ вполне они и согласились; помня недавніе еще—съ ними бывшіе припадки безумія, дали обѣщаніе воздержанія отъ этого порока, но къ сожалѣнію, вѣроятно, эти обѣщанія, останутся лишь обѣщаніями и исполнены не будутъ, и какъ мнѣ ни горько, но приходится въ этомъ сознаться: слишкомъ зло пустило здѣсь глубокіе корни въ почву невѣжества инородцевъ.

6 и 7 марта мною посѣжены еще 5 юртъ и 1 чумъ инородцевъ—вогуловъ, у одного изъ которыхъ Прокопія Бахтіарова отпѣта мною умершая дѣвочка. Отпѣтіе было совершено на могилѣ въ лѣсу, и описаніе обычая хоронить покойныхъ у инородцевъ я думаю будетъ небезынтересно для Комитета. Въ землю инородцы своихъ покойниковъ не зарываютъ, вѣроятно потому, что не знаютъ почти употребленія лопаты и кирки, а просто ложатъ покойнаго прямо на землю, ногами на восходъ солнца, и надъ нимъ возводятъ срубъ въ два или три ряда изъ сырыхъ бревенъ. Въ этотъ срубъ складывается имущество покойнаго, на примѣръ у этой умершей дѣвочки: всѣ ея платья, бѣлье, малица (шубка), платки, пояски, крестики (главное украшеніе дѣтей инородцевъ), ярки (обувь), и все это, у настоящей на примѣръ покойницы, прикрытое поверхъ сруба большой дѣнной шалью, закладывается плотно сверху, какъ крышкой, такими же сырыми бревнами, чтобы лѣсные звѣри не могли разрушить могилу.

Послѣ отпѣтія,—собраннымъ въ юртѣ очень опечаленнымъ смертью дочери хозяйкамъ и случайно къ нимъ захавшимъ по пути инородцамъ,—я постарался преподать нѣкоторыя доступныя ихъ понятію свѣдѣнія о загробной жизни людей, раѣ и адѣ, о блаженствѣ праведныхъ и мученіяхъ грѣшниковъ, о способахъ достиженія будущаго блаженства

на небѣ образомъ земной жизни, о грѣхѣ и проч., и въ отношеніи къ настоящему случаю смерти младенца, — о неложномъ обѣщаніи Христовомъ вѣчнаго блаженства младенцамъ, которые послѣ смерти своей будутъ на небѣ молитвенниками передъ Богомъ за своихъ родителей.

Все, мною сказанное, было совершенно ново для инородцевъ, такъ какъ слушалось ими съ большимъ вниманіемъ, и задавались изрядка вопросы о непонятномъ. Объясненія велись съ помощію проводника по русски и вогульски.

Ночь на 8 марта я провелъ въ юртѣ вогула Еремея Бахтіярова, гдѣ на другой день, въ ожиданіи поимки новыхъ оленей для дальнѣйшаго моего слѣдованія, имѣлъ бесѣду съ хозяиномъ юрты и его многочисленнымъ семействомъ, по вопросу, странному на первый взглядъ, какъ по мѣсту, гдѣ онъ обсуждался, — въ глухомъ лѣсу, въ стѣнахъ вонючей, грязной юрты, такъ и въ отношеніи людей, которыми онъ былъ мнѣ поставленъ ребромъ, — грязными, по виду внѣшнему и по жизни ближе подходящими къ лѣсному звѣрю, чѣмъ къ человѣку, инородцами, — вопросу объ атеизмъ и его проповѣдникахъ.

Нельзя повѣрить, что волна отрпанія Божественнаго начала міра и жизни могла докатиться досюда и охлаждающимъ своимъ прикосновеніемъ заставить полудикихъ инородцевъ начать анализировать въ себѣ ихъ простую, дѣтскую вѣру въ Великаго Небеснаго Тарма (Бога), котораго они и предки ихъ познали изъ величія творенія Его — сами непосредственно, непринужденно. Но это такъ къ прискорбію.

Возникъ этотъ вопросъ попутно, неожиданно для меня, среди бесѣды моей съ хозяиномъ на тему, довольно таки для него щекотливую и неприятную, — о неприкосновенности чужой собственности, о чемъ онъ имѣетъ очень своеобразные взгляды, къ сожалѣнію его — нетерпимые однако законами общежитія. По поводу нѣкоторыхъ, угрожающихъ ему, взысканій за воровство,*) я говорилъ ему, что, кромѣ кары земного закона, человѣкъ, не уважающій здѣсь чужой собственности, подвергаетъ себя, совершая великій грѣхъ — воров-

*) Пока воровство среди вогуль-рѣдкость.

ство, тяжелой карѣ угрызений своей совѣсти при жизни, и душу свою губить для жизни вѣчной послѣ смерти, ибо Богъ отвратитъ Свое лице отъ вора. Инородецъ, сносно объясняющійся по русски, объявилъ, что Бога, возможно, что и нѣтъ; стало быть, съ этой стороны, на которую я особенно указываю, онъ относительно безопасенъ, а воровать, что посторонніе сами не стараются беречь, непредосудительно, — требуетъ меньше труда и лучше обезпечиваетъ. Естественно, что меня поразило это, и первый вопросъ, который я задалъ ему, — это. „Кто могъ сказать это?“

— Русскій крестьянинъ... (значение: христианинъ) былъ отвѣтъ.

Но сколько не невѣжественъ этотъ инородецъ, однако онъ быстро сообразилъ, что сказалъ не совсѣмъ ладное что то, и поспѣшно сталъ оправдываться, говоря, что онъ лично все же не такъ глубоко этимъ положеніямъ сочувствуетъ, что въ Бога онъ вѣритъ, ибо безъ Бога жить нельзя, безъ Бога и его самого бы и вообще людей не было бы, а воровать его заставляетъ плохая „лѣсня“ (охота) и многосемейность.

Много я говорилъ съ нимъ еще по поводу этихъ вопросовъ, просилъ его бросить все, исправиться, и какъ на средство заслужить прощеніе у Бога указалъ ему на таинство исповѣди въ грѣхахъ своихъ передъ священникомъ и общаніе больше не дѣлать того дурного, что онъ дѣлалъ въ жизни, а главное не вѣрить людямъ, когда они будутъ говорить, что Бога нѣтъ, — подтвердивъ ему этого ученія всю несостоятельность.

На свѣжихъ оленяхъ отсюда я двинулся еще дальше съ цѣлью посѣтить два чума архангельскихъ Зырянъ, живущихъ на предгоріи одной изъ самыхъ высокихъ точекъ сѣвернаго Урала — „Молебный камень“, для чего мнѣ пришлось перевалить вершину горы Велса и благодаря этому вступить на территорию истиннаго сѣвернаго Урала, границу уѣздовъ Чердынскаго и Верхотурскаго. Лишь ночью на 9 марта я доѣхалъ до чума зырянина Ивана Онуфриева. Здѣсь я явился желаннымъ, долгожданымъ гостемъ, радостно былъ встрѣченъ хозяевами чума, — маститымъ старикомъ, его женою и двумя взрослыми женатыми сыновьями, и долженъ сказать,

что пребываніе у нихъ было для меня истиннымъ отдыхомъ, такъ что и уѣхалъ я отъ нихъ потомъ съ обновленнымъ и удвоеннымъ желаніемъ продолжать трудъ свой, полный неудобствъ и лишеній, ради лишь тѣхъ свѣтлыхъ переживаній о Бозѣ, какія выпали на мою долю здѣсь, въ холодномъ, дымномъ чумѣ, гдѣ отъ дыма во время богослуженія въ немъ я едва не задохнулся.

Въ виду страшной снѣжной бури, разыгравшейся еще на пути къ чуму и усилившейся ночью до очень внушительныхъ размѣровъ (очень непривѣтливо встрѣтилъ меня сѣверный Уралъ) мнѣ пришлось слѣдующій день и ночь еще провести въ чумѣ, и я не могу удержаться, злоупотребляя вниманіемъ Комитета, чтобы не передать здѣсь о проведенномъ мною среди этихъ людей времени.

Утромъ 9 марта проснулся я довольно рано отъ нестерпимаго холода, не смотря на то, что спалъ я въ шубѣ и подъ шубнымъ одѣяломъ, но по неопытности безъ шапки. Всѣ спятъ. Въ чумѣ совершенно темно, лишь въ дымовое отверстіе чума видно, что скоро разсвѣтаетъ. Долго не могу уснуть, но всѣ же въ концѣ концовъ забываюсь. Когда проснулся я снова, въ чумѣ уже потеплѣло, трещать привѣтливо дрова, разбрасывая искры по всему чуму, и обитатели чума, сидя вокругъ огня на низкихъ обрубкахъ дерева, внимательно слушаютъ читанные старикомъ по Часослову полунощницу и утреню, что было продолженіемъ отдѣльной утренней молитвы каждаго члена семьи. Тишина въ чумѣ; лишь трескъ дровъ, да неистовый вой вѣтра вокругъ чума, своеобразно аккомпанируютъ глуховатому низкому голосу чтеца, а дымъ облакомъ стоитъ надъ всей этой живой картиной, а когда вѣтеръ съ силою ворвется въ дымовое отверстіе чума, начинается дымъ ходить клубами, попадаетъ даже мнѣ, еще лежащему, въ носъ, въ глаза до слезъ и до капли саднить въ горлѣ, а чтець все читаетъ, стойчески перенося эту атмосферу, своимъ глуховатымъ, быть можетъ отъ этого самаго дыма ставшимъ глухимъ, голосомъ. „Да не падше и облѣнившеся, но бодрствующе, и воздвижени въ дѣланіе обрящемся готови“ — читаетъ старикъ, и хочется, слушая эти слова, дѣйствительно быть готовымъ для дѣла, ради этаго свѣтлаго момента забыть всѣ неудобства, лише-

нія и невзгоды и разочарованія, естественной пока еще удѣль службы моей, и дѣлать, дѣлать...

Чумъ представляетъ изъ себя концевобразную палатку изъ сукна, сверху прикрытаго оленьими кожами; внутри его посрединѣ на листѣ желѣза (чтобы снѣгъ, который служить поломъ чума и достигаетъ здѣсь на Уралѣ болѣе саженной глубины, не протаивалъ) цѣлый день поддерживается огонь, дымъ отъ котораго выходитъ черезъ отверстіе вверху чума, никогда незакрываемое, которое во время дня служитъ и окномъ для свѣта. По наружному виду чумъ очень похожъ на дымящійся вулканъ въ миниатюрѣ, тѣмъ болѣе, что снѣгъ съ него всегда тщательно отряхивается и иллюзія сходства дополняется его грязновато-дымнымъ цвѣтомъ. Удобствъ, даже относительныхъ, такое жилище естественно не даетъ, но для оленевода, мѣняющаго очень часто свое мѣстожительство, сообразно перекочевокъ оленьихъ стадъ, онъ ничѣмъ другимъ незамѣнимъ.

Этотъ день, начатый мною служеніемъ въ чумѣ водосвятнаго молебна, былъ проведенъ мною въ бесѣдѣ съ его обитателями. Хозяинъ-старикъ бывалый человѣкъ и примѣрный христіанинъ, побывавшій два раза въ Соловкахъ и безмездный всю жизнь труженникъ по пастыбѣ оленей для своей родной обители Ульяновской, подѣлился со мною своими полувѣковыми, основательными свѣдѣніями о сѣверѣ Россіи, получивъ отъ меня взамѣнъ много интересующихъ его свѣдѣній о св. мощахъ Угодниковъ Божіихъ, изъ которыхъ мѣстонахожденіе многихъ ему неизвѣстно, а такъ же много разказовъ изъ житій ихъ. Вечеромъ того же дня я посѣтилъ второй чумъ зырянина Іоила Рачева, стоящій недалеко отъ вышеописаннаго, гдѣ и договорилъ оленей для поѣздки на пріиски и обратно до Н.-Ивделя.

Въ виду затруднительности везти дѣтей своихъ для говнїя въ Н.-Ивдель, Рачевъ просилъ меня дать имъ возможность исполнить этотъ долгъ дома, на что я далъ согласіе, и, пока ѣзжу на пріиски, поручилъ дѣтямъ болѣе строгимъ постомъ подготовить себя къ Св. Причащенію, объяснивъ имъ всю святость Таинства и отвѣтственность предъ Богомъ недостойно его приѣмлющихъ.

10 марта по утру я выѣхалъ на пріиски, отстоящіе отъ

чумовъ на 30—35 верстѣ далѣе по Уралу: Николаевскій—Сибирева и Елизаветинскій—арендуемые г. П—вымъ, какъ это ни странно, у священника (документально, пріискъ принадлежитъ супругѣ его). Благодаря вчерашней бурѣ дорога исчезла, и едва до Елизаветинскаго пріиска я могъ добратъ-ся къ вечеру этого дня. Для пріисковаго дѣла сейчасъ еще глухая пора, а потому на этомъ пріискѣ православныхъ людей я нашелъ лишь его арендатора съ женою, остальные же татары рабочіе. Здѣсь я провелъ вечеръ далеко за полночь въ бесѣдѣ съ хозяевами, несчастными въ полномъ смыслѣ людьми, ибо золотой телецъ отнялъ отъ нихъ все: состояніе, здоровье, а главное вѣру въ себя и свои силы, которые бы были цѣнны въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь, среди глухого лѣса и дикихъ горъ въ холодной, убогой пріисковой казармѣ. Мужъ и жена, — оба духовнаго званія, по родителямъ дѣти священниковъ, образованные, (самъ по выходѣ изъ семинаріи учился за границей) имѣли раньше хорошо обеспеченное служебное положеніе, но бросили все и пошли сюда, прельщенные перспективой быстрого обогащенія отъ золотопромышленности не особенно порядочными компаніонами, отсѣбжавшими при первой же неудачѣ.

Какъ видно изъ вышеописаннаго, походная служба дѣдаетъ мнѣ самыя неожиданныя положенія, — и теперь она изъ смраднхъ юрть, изъ дымнаго чума и отъ ихъ обитателей, сразу бросила меня въ среду интеллигентныхъ людей, но людей несчастныхъ, бьющихся въ безнадежно-безвыходномъ тупикѣ служенія химерѣ. Я поцалъ къ нимъ въ подходящій моментъ, когда ихъ отчаяніе въ удачѣ достигло своего апогея, и я не жалѣю о проведенномъ здѣсь времени, т. к. и здѣсь были тоже духовно слѣпыя, какъ и мои пасомые-инородцы, — люди, которымъ необходима посторонняя помощь, чтобы они могли хотя нѣсколько ориентироваться въ отысканіи выхода на потерянную ими дорогу, ведущую къ теплу и уюту соответственно ихъ положенію и познаніямъ дѣла изъ единства, душевнаго холода и случайностей погони за золотомъ.

Утромъ 11 марта я перешелъ на пріискъ Сибирева (расстояніе между пріисками до 3 верстѣ), гдѣ еще тоже русскихъ рабочихъ, сравнительно съ татарами, немного. Здѣсь

я задержался не долго для осмотра устроенной здѣсь часовни, гдѣ съ походной церковію лѣтомъ намѣреваюсь послужить, и крещенія младенца, торопясь выѣхать обратно къ чумамъ, такъ какъ опять съ утра заиграла буря, угрожающая отрѣзать мнѣ обратный путь, и въ ночь на 12 число я опять возвратился подъ дымный, холодный, но гостепріимный кровъ зырянскаго чума.

По утру въ чумѣ Іоилія Рачева я отслужилъ водосвятный молебенъ, послѣ котораго исповѣдалъ и причастилъ за опасными дарами дѣтей его, и на свѣжихъ оленяхъ, болѣе прямымъ путемъ, почти безостановочно въ теченіи болѣе сутокъ, доѣхалъ до Никито-Ивделя.

На половинѣ дороги я догналъ двухъ инородцевъ, оставившихся въ лѣсу для ночлега и кормежки оленей, — того, котораго я ѣдучи впередъ, отпѣвалъ младенца и другого — Петра Ивановича Бахтіярова, и воспользовавшись оставшкой своихъ оленей для нѣкотораго отдыха, еще побесѣдовалъ съ первымъ по поводу смерти его младенца, именно по поводу главноего того, что этотъ вогуль изъ за умершаго младенца, въ силу отживающихъ уже своей вѣкъ нынѣ предковскихъ традицій, намѣренъ выйти изъ только что выстроенной новой, очень хорошей юрты, построивши себѣ другую, что потребуеетъ довольно значительныхъ расходовъ съ его стороны и естественно должно подорвать его, еще не такъ давно наладившееся, относительно, благосостояніе. Я испробовалъ всѣ средства къ убѣжденію его въ безуміи исполненія этого абсурднаго обычая предковъ, и хотя не увѣренъ въ томъ, что убѣдилъ его окончательно, но все же надеюсь, что мое мнѣніе по этому вопросу инородцамъ будетъ теперь извѣстно, а этого только и нужно, — *gutta cavat lapidem*.

Въ мое отсутствіе по поѣздкѣ въ Н.-Ивдель былъ привезенъ для крещенія постяцкій младенецъ изъ Іовтымсомъ и Няксимвольскаго прихода; пріѣзжіе пользовались за моимъ отсутствіемъ гостепріимствомъ и хлопотами по дѣлу со стороны моей жены, снабдившей ребенка и крестильной рубашкой: таинство крещенія совершило Н.-Ивдельскимъ причтомъ.

Походной Николаевской церкви священникъ

Аркадій Гаряевъ.